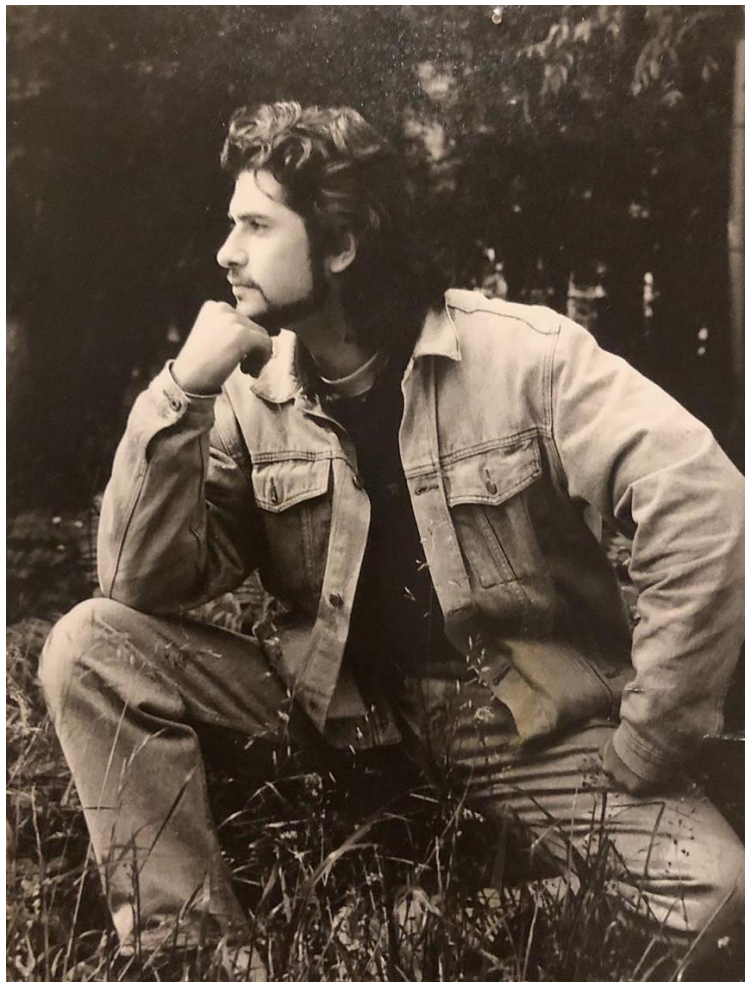

Миша Шевчук

Актер. Режиссер театра и кино.
Постановщик трюков. Продюсер

Михаил Шевчук. Кинопробы к сериалу
«Графиня де Монсоро». 1993 г.

Когда мы работали на «Графине де Монсоро», для нас с Димой приходилось выстраивать особый график. 1995 год. «Мосфильм». Большой зал, длинный стол — производственное совещание. Присутствуют все цеха. От режиссерского, постановочного, операторского, костюмерного до реквизита. Во главе стола — Сергей Жигунов, актер и продюсер проекта. Грядут съемки в Праге. Работают над календарно-постановочным планом. Собрание начинается. Продюсер объявляет: «Первое и самое главное, запишите: Марьянов и Шевчук не должны одновременно оказаться в этом городе. Все слышали?»

Фотография со съемочной площадки многосерийного художественного фильма «Сатисфакция». 2003 г.

Дима снимался у меня в двух картинах «Сатисфакция» и «Главный калибр». Это две превосходные его актерские работы. Но говорить я буду о нас с самого-самого начала. Мы были очень близкими людьми. Очень близкими. Мы с ним погодки. Он на год старше учился. Я на первом курсе, он на втором. Я в Щепке, он в Щуке. До знакомства я не видел ни одного его фильма. Понятия не имел, кто он такой. Я пришел в Щукинское училище на фестиваль по сценическому

движению. Выступали лучшие со всей Москвы. А я изначально спортсмен — занимался современным пятиборьем (стрельба, плавание, фехтование, кросс, верховая езда). Я мастер спорта и чемпион СССР среди юниоров. Вот пришел посмотреть — чем удивлять будут. А в Щуке настоящая ажиотация, только и слышишь: Марьянов, Марьянов, Марьянов. За кулисами, в зале, все вокруг шепчутся. Я долго его высматривал — никак не мог понять, кто тут Марьянов. Курс у него был очень ровный, все ребята талантливые. На выходе я все-таки не выдержал и спросил: «А где Марьянов?» Повернулся, смотрю — стоит такой... Припонтванный, прихиппованный. Он показался мне *весь из себя*. Какой-то слишком свободный и слишком наглый — по-мужски говорить если.

В том же году меня утвердили в фильме «Любовь» Валеры Тодоровского. Это 1989. Все было очень серьезно. Шел кропотливый отбор актеров, пробы, переговоры. Я уж думал, сейчас буду монологи толкать. Оказалось, такой жесткий кастинг шел на массовку. И мелькаю я там один раз где-то на заднем плане, в ванной с кем-то целуюсь. В главной роли, в одной из — тот самый — Дмитрий Марьянов. Мы не общались, но я увидел это явление природы близко. И меня начало перекашивать, может, даже из зависти, из ревности — я пытался в нем найти хоть что-то неправильное, что-нибудь отталкивающее. И решил: Дима не наш, какой-то он *импортный*.

Кадр из кинофильма «Любовь». Режиссер В. Тодоровский. 1991

Он ведь умудрялся создавать вокруг себя особую зону, держать осязаемое личное пространство, оставаясь при этом совершенно непосредственным во всем и всегда. И, главное, все как один его почему-то обслуживали. Хотя он ничего для этого не делал. Не кривлялся, не шутил, не просил. Просто — был. И он был полной моей противоположностью. Во всем не такой, как я. Я деликатный, вежливый — за все извинюсь, непременно постараюсь, что сказали — сделаю. Вот скажут тут стоять — стою. И буду тут стоять-умирать. Помнишь, детский рассказ такой есть у Пантелеева «Честное слово»? Там мальчишки в войну играли и назначили одного часовым. Уже ночь была, он никуда не ушел, слово дал. Вот это про меня. Я такой вот дурак. Советский хлопчик. А Димка — он Трубадур из «Бременских музыкантов». Он может слово дать и слово держать. И все-таки: Ла-ла-лай-ла-лала! Все вокруг само собой закрутится.

Еще помню тогда на съемочной площадке он в перерывах с какой-то помятой книжкой сидел. И мне очень захотелось узнать, что он читает. Он ведь вообще постоянно читал. Всегда с книгой. И не какую-то муру. Римских стоиков, например. Кафку... Всегда сложную литературу. Потом, когда мы уже подружились, я его подкалывал: «Отвечай честно! Ты же специально с собой такие умные книжки таскаешь, да? Для антуража. Ну признайся!» Был у него как-то дома, хватал первые попавшееся с полки книги и спрашивал — вот эта про что? А эта? И он доходчиво мне пояснял. Он правда много читал! И засыпал всегда с книжкой, посреди конфет — очень любил козинаки. Придешь его утром на съемку или еще куда-то будить — вокруг сладости, лампа горит и книжка на морде — Ницше какой-нибудь.

Мы, конечно, в студенчестве часто пересекались. Всякий раз виделись на показах по сценическому бою и по сценическому движению, нас обоих эти дисциплины очень интересовали. А познакомились... Познакомились уже после окончания института. Во время работы над фильмом «Графиня де Монсоро». Я играл там и одновременно был хореографом фехтовальных сцен. Перед началом съемок шел репетиционный процесс — нужно было привести артистов в форму, отработать трюки, и Дима пришел ко мне на тренировку. Тут-то мы с ним и выяснили отношения. Уж не знаю, что там про меня Сережа Жигунов наговорил, но расписал как профессионала-сверх-профессионала, самого главного на свете. И Дима рассказал, что шел

в надежде увидеть седовласого старца из Шао-Линя. Пришел в трепете и вдруг — вместо умудренного педагога напротив стоит такой же понтырщик. Только у Димы длинные светлые волосы, а у меня длинные черные. Мы как инь и янь. Долго тогда выясняли отношения. Хвастались друг другу кто, что и как может. Во всех видах — в кулачной драке, на шпагах, единоборствах, акробатике. С того самого дня стали не разлей вода.

Дмитрий Марьянов и Михаил Шевчук во время исполнения песни «И Ленин такой молодой...». 1998 г.

Съемки сериала «Графиня де Монсоро» длились почти четыре года. Столько, сколько занимает обучение актера, поэтому мы все — наша ватага, считали друг друга за однокурсников — Женя Дворжецкий (Евгений Вацлавович Дворжецкий — актер, телеведущий. Заслуженный артист РФ), Саша Домагаров (Александр Юрьевич Домагаров — актер театра и кино. Народный артист РФ. Кавалер Ордена Дружбы), Кирилл Казаков (Кирилл Михайлович Казаков — актер театра и кино), Игорь Ливанов (Игорь Евгеньевич Ливанов — актер театра и кино. Заслуженный артист РФ), Сережка Варчук (Сергей Иванович Варчук — актер, телеведущий). И мы с Димой.

Календарик на 1995 год с автографом
Дмитрия Марьянова

Мы тогда только что посмотрели французскую «Графиню де Монсоро» с Софи Марсо в главной роли и мечтали о такой эстетике — там все суровое. Но нам костюмы шили дорого-богато, по каким-то парадным портретам и по гравюрам эпохи, просто заковали в музейное. Мы себе ботфорты ели выбрали. Не хотели туфли с пряжками надевать, и так кружева хватало. Ведь нам же пользоваться всем этим надо — и верхом носиться, и драться. Поэтому устроили забастовку — никаких туфель! А в первый съемочный день приходит на площадку историк — консультант по костюмам, и раздает нам всем по сережке. И колечко-то в ухо у всех одинаковое, а висюлька на нем у всех разная. Ребята сразу их нацепили, я говорю: «Подождите, наверное важно, на какое ухо. Это

что-то значит». И правда — оказывается, это подарок короля, и носить его надо в левом ухе. Это знак отличия королевского миньона — фаворита (*mignon* — с французского — крошка, милашка). Консультант нас прямо огорошила! Эта сережка — знак того, что мы телом принадлежим государю. Мы как-то растерялись — это в каком-то смысле? «А в таком, — отвечает историк-консультант, — что все вы любовники короля». И она начала рассказывать, как Генрих III был несчастен. Мы обалдели! У Дюма этой линии вообще не существует в романе. Этот факт никак не проявлен во взаимоотношениях героев, между строк не вычитать — не написано, не это его интересовало... После знакомства с историей — что началось! Какие шутки-прибаутки! Ух! Бедный Женя Дворжецкий! Как над ним издевались!

Дмитрий Марьянов, Михаил Шевчук и Евгений Дворжецкий. 1998 г.

Однажды мы с Димкой приехали к нему домой. У Жени был день рождения. Мы были в предвкушении, нам казалось, что мы наконец-то придумали самую смешную шутку в мире! Но не все мы продумали... У Жени уже куча гостей — люди разные, а еще и родственники, и мама приехала. И праздник этот снимают на камеру. Мы звоним в дверь, за ней голоса: «О! Это Миша и Дима!» Дверь распахивается, а мы поворачиваемся спиной, снимаем штаны и демонстрируем задницы с криком: «Ваше Величество — миньоны прибыли!» Нам казалось

тогда — это очень смешно. Ладно, Нина (Нина Игоревна Дворжецкая — актриса театра и кино. Театральный педагог. Заслуженная артистка РФ) — жена Жени. Она нас хорошо знала. Но там куча незнакомых людей, там ведь и родственники! И мама (Левите Рива Яковлевна — главный режиссер Горьковского театра юного зрителя, педагог, заведующая кафедры актерского мастерства Нижегородского театрального училища. Заслуженный деятель искусств РФ) — интеллигентнейший человек... Они-то не знали, что мы настоящие балбесы.

На съемочной площадке кинофильма «Графиня де Монсоро». Репетиционный момент. Царицынский парк. Беляев Юрий Викторович, Дмитрий Марьянов и Михаил Шевчук. 1995 г.

Не представляю, как наш режиссер Владимир Михайлович (Владимир Михайлович Попков — советский, российский, украинский режиссер и сценарист. Заслуженный деятель искусств Украины) — замечательный человек, личность легендарная для российского и украинского кино, уж не знаю, как он с нами справлялся. Он ведь собрал просто ядерную команду! У меня теперь даже термин такой есть, я когда объясняю персонажа, говорю — у него газированная кровь. Не просто горячая, газированная! Наверное, мы просто так любили режиссера и уважали, что беспрекословно слушались, несмотря на то, что шkodники жуткие.

У Владимира Михайловича были очень странные маркерные точки в режиссерской терминологии. Если мы делали все хорошо, он вскрикивал: «Вот молодцы! Прямо как эскимосы!» Это высшая была похвала. Почему эскимосы — так и не знаю. А если получалось плохо, он расстраивался и говорил: «Ну что вы как голландцы? Прямо как голландцы!» Вот и вся его режиссура. И четыре года между эскимосами и голландцами мы лавировали. Покажем что-нибудь в репетиции, он: «Ну нет, опять голландцы», и мы стараемся — тянемся к эскимосам.

Кадр из фильма «Графиня де Монсоро». Дмитрий Марьянов и Юрий Викторович Беляев. 1995 г.

Как-то разводили драку с Димой. Сложный эпизод. Зовем посмотреть. В качестве высшей похвалы услышали что-то новенькое: «Ну Марьянов и Шевчук — мастера устроить Бородинское сражение в телефонной будке». И правда, павильон-то крохотный. Кинопавильоны строятся в масштабе — для оптики — в нем живут архитектурные обманки. Это на камере кажется, что комната как

комната, на самом деле павильон маловат. Ну уж бегать и махать шпагами там действительно сложно. К тому же де Сен-Люку (Дмитрию Марьянову) сделали самую длинную шпагу. Новым шуткам не было предела — ладно, эти сережки, но, похоже, король раздавал оружие согласно физиологическим особенностям! Недаром у любимейшего миньона самый длинный клинок и фланберга — пламенеющий меч. Это значит, что клинок имеет ряд последовательно выгибающихся противофазных изгибов, край его — как след змеи. Это опасное оружие, такой край усиливает инерционные рубящие удары, позволяет делать различные неожиданные захваты, особенно если во второй руке кинжал, и режет фланберга, как резцы собаки — разрывает и вырывает плоть. И еще раз — очень длинная. Особое оружие.

Снимали на пленку. Пленка — это ответственно. Пленка — это когда все и все делают с первого раза. Но Дима... Точнее его шпага, которая красовалась на боку. Всякий раз, когда он особенно темпераментно входил в дверь, то клинок цеплялся за косяк и фланберга вставала поперек двери. Ручка у нее тяжелая, ее заклинивает — шпага резко перед Димой поднималась, и он через нее кувыркался. И так было несколько раз. В такие моменты жалеешь, конечно, что не цифра. Можно было бы сохранить, скачать. А тогда бракованные дубли даже не проявляли. Кино — вообще тогда было настоящее таинство. Только на монтажном столе режиссер мог увидеть кадр и не всякий дубль.

Фотография со съемочной площадки фильма «Графиня де Монсоро». 1995 г.

Нужно сказать, что команда у нас была профессиональная. Не то что в павильоне нельзя шуметь, если написано: «Тихо! Идет съемка», даже в радиусе павильона ходить нельзя. Какое шуметь! А уж если на площадке звучит команда: «Мотор!», тут уж все прямо в воздухе застывали. Зависали. Только актеры действовали. Так что все приключения были далеко за кадром.

Наш день обычно начинался так — мы все собирались в большом гримерном цеху, и начиналось дуракаваляние. У нас сложился уникальный стиль общения, и сейчас, конечно, все это теплой улыбкой вспоминается. Как детские шалости. И вот в какой-то момент появлялся Женя Дворжецкий. Он всегда приходил с чем-нибудь. Или песенку новую какую-нибудь принесет шикарную, или превосходный анекдот расскажет. Сразу же шум, гам, смех. И все вокруг знали — Генрих явился!

На съемочной площадке многосерийной кинокартины
«Главный калибр». 2006 г.

Я от Димки просто балдел. Меня завораживала целостность его природы. Потом, конечно, стало ясно — он человек колеблющийся, остро все переживающий. Невротик, каких мало. Но он умел создавать впечатление непоколебимой уверенности, независимости от окружения, от обстоятельств. В нем был стержень. За ним хотелось идти.

И это было время, когда обрушилась страна. Прямо на наших глазах. Прямо нам на голову. Рухнула и вся индустрия. Было даже жутковато идти по совершенно пустому «Мосфильму». Огромные корпуса — гигантская, крупнейшая в стране фабрика грез, и ничего не снималось. Единственная картина в запуске — «Графиня де Монсоро». Кстати, кино у нас ведь так и не восстановилось. Пятнадцать лет безмолвия не прошли даром. Мы потеряли школу во всех профессиях — нет операторов, художников, сценаристов, режиссеров, гримеров и так далее. Это трагедия. Осталась горстка профессионалов, и они не успели школу передать. Все тогда будто испарилось — на «Мосфильме» ни души. И вот спрыгиваешь с лошади, выныриваешь из драк и погонь, отстегиваешь шпагу, а потом долго идешь по пустующей, полузаброшенной студии, выходишь и... вокруг тебя — Перестройка. Дурь какая-то творится. Мы придумали тогда для себя особый образ жизни. Называли его ковбой-панк: утром в седло, вечером в говно. В ночи просто падали. А раннее утро мы с ним проводили в спорткомплексе «Олимпийский». Занимались акробатикой и всяким спортом, плавали. Чтобы хоть немножко прийти в себя. Потом ехали на съемки или на спектакль. А после сразу же опять встречались, общались — обменивались идеями, а потом вперед! В клуб или в гости — хулиганить. Рано утром опять на спорте. Вот такой круглосуточный график. Мушкетерские забавы.

Фотография со съемочной площадки многосерийного художественного фильма «Сатисфакция». 2003 г.

Мы с ним были охвачены желанием самореализации. Жаждой! И это был настоящий калейдоскоп! Утром одни идеи — решаем ставить «Гамлета», в обед у нас уже совершенно другие планы, мы срочно снимаем сериал. Носимся, предлагаем по каналам, устраиваем читки. Для нас Родион Белецкий несколько прекрасных вещей написал. И параллельно мы еще что-то репетируем и репетируем, снимаемся, сами пишем.

Обязательный номер у Димы в программе — страдания. Он очень переживал по поводу своих отношений. Рано или поздно, но раз в день открывался «Клуб разбитых сердец». Я не видел ни одного его краха. Со стороны казалось, что у него в личной жизни все и всегда замечательным образом складывается. Более чем! Везунчик! Но на самом деле он очень много времени проводил в своих переживаниях и в размышлениях о любви. Только я никогда не знал, о ком он конкретно говорит. При всей его бесшабашности в сердечных делах он был крайне скрытным.

РАМТ. Спектакль «Ромео и Джульетта». Режиссер-постановщик и исполнитель роли Тибальта — Михаил Шевчук. 1999 г.

Тогда мы вместе уже работали над Шекспиром. Спектакль «Ромео и Джульетта» я потом поставил в Молодежном театре — в РАМТе, но придумывался он с Димой. Мы даже поставили для него бои. И мне до сих пор горько, что та роль, которая была создана им, — им оказалась не сыграна. Очень-очень жаль. Мы мечтали об этом. А параллельно... Параллельно с постановкой мы ведь выиграли тендер сценаристов на канале Россия!

Эротическая программа. Ночной эфир. Аналог тележурнала «Playboy». Мы придумали целый ворох короткометражек. Один цикл почему-то запомнился (наверное, потому что он был самый нелепый) — назывался «Капли Марата». Про придурка — студента-химика. В ходе каких-то экспериментов он случайно изобретает особый раствор: если женщина даже несколько капель с водой выпивает, тотчас начинает читать мысли мужчины и исполнять все его прихоти, делать все, что он только захочет. Марат подрабатывает тренером в спортивном клубе и таким образом обнаруживает уникальные свойства этой жидкости. Вся драматургия строилась на том, что он полный кретин, ну вот такой — ученый, поэтому все желания у него дурацкие. Целый цикл юмористических эротических рассказов получился. Канал так и не решился программу снимать, но после победы в этом тендере мы ощущали себя, будто «Оскара» взяли.

Фотография со съемочной площадки многосерийного художественного фильма «Сатисфакция». 2003 г.

Тем временем Родион Белецкий, замечательный сценарист, пишет пьесу «Молодые люди». Это чуть ли не первая его пьеса. И почти сразу она стала известной. Про нас и для нас. Как парни вызывают к себе в гости девушек по своим записным книжкам. Типичная для нас ситуация. Рутинка. Родя же совсем Димкин, все про него знал. И вот обычно мы долго сидели вечерами, а как только заканчивали про Шекспира, сразу доставали свои записные книжки и начинали их изучать. У Димы она была просто какая-то... взорванная! Из нее в разные стороны торчали листочки, обрывки бумажек, на которых то губной помадой телефон написан, то карандашом для глаз... Дима вообще из всего мог устроить беспорядок. Ладно телефонная книжка, а что творилось у него в сумке! Я его спрашивал: «У тебя тут граната взорвалась?» То же самое за секунды он умудрялся устраивать в номере. Только приедет на съемки, на гастроли, заходишь к нему — уже через минуту комнату не узнать. Не знаю, как он умудрялся это делать. Я аккуратист страшный. У меня все должно быть на местах и телефоны — буква к буквке. А он копошится в своих листках, из стороны в сторону бумажки вертит, бормочет: кто это, в связи с чем это, где, когда, почему? Вот сидели звонили-вызывали. Такой подход таил немало сюрпризов.

Потом ведь еще один, совершенно замечательный проект придумали — «Тупые шпаги». Тоже Родион писал. Сериал. Просто потрясающий ситком про двух дурных мушкетеров. Сергей Жигунов после «Графини де Монсоро» еще держал павильоны на «Мосфильме». Это значит, и декорации, и костюмы есть, и сценарий превосходный — казалось, бери и делай! Но... Я потом уже понял, в чем все дело, когда режиссером стал — мы не знали механизмов. Не понимали, как это делается. Все очень просто. Не надо быть семи пядей во лбу. Нужно сначала в этот кабинет зайти, потом вот в тот. И все. Мы же понятия не имели, как осуществлять идеи. Жигунов говорит: «Ребята — все для вас, костюмы, декорации — не вопрос! Снимайте, конечно! Но найдите хоть чуть-чуть денежки. Группу вам все равно придется оплатить. Нужно какой-никакой бюджет отыскать». И мы послушно ходили — искали деньги. На чистом глазу, наивные — у всех спрашивали. И всю дорогу встречались с каким-то бандюганями... Находили только приключения на свои головы.

Чтобы зарабатывать, я тогда снимал рекламу. Для завода по производству воздухопроводов. И каким-то образом я там всем внушил, что ситком «Тупые шпаги», — это будет сериал про их трубы. Весь сюжет закрутим вокруг труб, и на монтаже я так сделаю, что воздухопроводы станут главными героями. Они попросили снять хотя бы несколько сцен — показать, как это будет выглядеть. И мы сняли пилот. Мне тогда исполнилось тридцать лет, мы были в Ростове. Запомнилось. Мороз стоял просто страшный! Минус тридцать четыре по Цельсию. И мы прямо на улице, под уличными фонарями, ночью — фехтовали. В минус тридцать четыре! Но завод все равно не убедили. Впрочем, наш труд даром не пропал. Эти сцены спустя несколько лет я показал продюсеру, и он запустил в производство сериал «Сатисфакция». С Димой в главной роли.

Фотография со съемочной площадки многосерийного художественного фильма «Сатисфакция». 2003 г.

Шли уже 2000-е. Мы стали старше, многому научились, и я начал подбивать Димку создать свою — нашу собственную студию. Мы бы справились вместе. Пора было пробовать идти дальше — режиссура, продюсирование. И у нас был серьезный разговор. Вот опять — мы с ним две крайности — он работал в Ленкоме, я в Малом театре. Оба театра «бренды» и вместе с тем — полные друг другу противоположности. Мы снова на разных полюсах. Только что система одна. Театр — это ведь просто монастырь. И я решил уйти. К тому моменту уже что-то поснимал, был постановщиком трюков, делал спектакли, сам преподавал и пошел учиться во ВГИК — начал двигаться в сторону свободного плавания. Хотел и его выманить на этот путь. У Димы оказался абсолютно иной взгляд на вещи. Он вообще по-другому театр видел, он ему был необходим. Он не хотел его оставлять. Очень серьезно объяснял: «Пойми, я жду ролей. Уверен, что вот сейчас как раз то самое время. Мне дадут что-то серьезное. Я жду. Жду своего — настоящего, большого, значимого. Я не могу уйти. Я надеюсь!» Ничего он так и не дождался.

На съемочной площадке многосерийной кинокартины
«Главный калибр». 2006 г.

Историю, почему Дима ушел из театра, многие до сих пор обсуждают, никто в правду не верит. Что только не придумывают! Я — свидетель. Да, он не явился на спектакль. В тот день он был со мной за городом, на даче наших друзей. Он человек очень дотошный. Все у него всегда записано. Мама страшует — у него в доме штаб, к ней

все звонки приходят. Табуретками буду драться, отвечаю — никогда в жизни в профессии он не накосячил! Что угодно, только не это. Да, перепутал дни. Знал бы, что завтра спектакль — просто из города бы не уехал. И позвонили ему заранее, еще днем — перепроверили — все ли в порядке, во сколько будет. Нет, мы не пили. Все абсолютно трезвые. И девушки тут ни при чем. Мне врать не имеет никакого смысла. Реально — нереальная ситуация. Все приехали на машинах, и ни одна из них не завелась. Что мы только не делали! В те дни стояли серьезные, просто бешеные какие-то морозы. Он технически не успел выбраться. Тупо в город было никак не попасть. И никто ему не верил. Все по очереди из театра звонили, потом он всем звонил, — пытался объясниться. Даже не слушали. У меня такое впечатление, что просто нашли повод. На него всех собак спустили. Для Димы это был тяжелейший удар.

Кадр из многосерийного художественного фильма
«Сатисфакция». 2003 г.

Почему говорю: мы разные? Одинаковые, да, и совсем не похожие. Я все-таки постановщик. Я люблю повторять: «не знаю, какой я артист, а режиссер из меня ничего». У меня всегда была какая-то другая ответственность — другое отношение к реальности. Я ее формирую. Дима же был самый настоящий артист, несмотря на все прочие его таланты. Потому был очень зависим от театра, даже чисто

эмоционально. И ведь именно потому умел, что называется — «ложиться в руки», целиком отдаваться работе, воле режиссера. И вместе с тем он был мужчина. В полном смысле этого слова. Актерская профессия по сути-то женская, в ней нужно уметь быть «девочкой». Нужно уметь. И он умел! И в этом лично для него изначально был заложен глубочайший конфликт. Который его разрывал. С этим противоречием очень сложно было жить. Впрочем, ему и это удавалось.

И было у него одно качество, что меня раздражало зверски, совсем не радовало, я его просто не принимал. Тогда ведь собирались по квартирам. Устраивали посиделки. Даже жалко, что теперь они совсем ушли. Ведь это были не пьянки — бесконечные шутки, рассказы, капустники! Творческая феерия! И вот Дима мог неожиданно выйти из комнаты и пропасть. Сразу за этим слышалось: «Ой!!!» И я уже знал — ну все! Началось. Он мог, например, выйти на балкон, взяться за перила и висеть по ту сторону, смотреть на нас. Гагарин! Я один раз так рассердился, что просто закрыл его там зимой. И шторы задвинул. Все! Конец представлению. И все равно. Так случалось всякий раз, когда был балкон. Он приходил, осматривался и уже с самого начала вечера «косил лиловым глазом». Поджидал случая. Я все понимаю — мы вот только что пронеслись на лошадях, прыгнули с вышки... А это? Ну совсем дурь какая-то.

Фотография со съемочной площадки многосерийного художественного фильма «Сатисфакция». 2003 г.

С другой стороны, меня всегда потрясало, что он не уставал от своего этого «детства». В хорошем смысле, творческом. Не уставал играть. Все время баловался. На самом деле — постоянно разминал ситуацию, пробовал подходы, в любом окружении. Только казалось, что он дурака валяет. Ведь я его знал, знал, для чего ему это или вот то сейчас конкретно нужно. Теперь мы уже параллельно работали — я режиссер, он актер. И я наблюдал, как он, может, и непроизвольно, в реальной жизни «репетирует».

В «Сатисфакции» и в «Главном калибре» — это две картины, которые мы делали вместе, есть просто превосходные сцены. Он был потрясающий артист! Но ведь опять вокруг все поменялось. Теперь работы было завалилось. Это хорошо! Да! И зарабатывать надо. Только теперь это была гонка — началась «сериальность». Очень быстрый формат, жесткий график. Не до придумок, не до поиска, не до творчества, не до образа. То одного майора сыграет, то другого, то полковника, потом и генерал. Дослужился. Но ведь это не заборы красить. Это очень сложная штука. Даже чисто физически. И не могу разобраться, какой это уже был год — у него спину серьезно прихватило. У него вообще много травм. И тогда он просто лежал. Не шевелился. К нему приходил его врач-мануальщик. И я приходил — приносил жарчку. И вот появляюсь на «Полежаевской» однажды, а там плакальщицы собрались. Человек семь. Его любимые девушки. И с курса, и из театра, и из публики. Все сидят рядышком. За него переживают. И это еще одно его потрясающее качество — Дима со всеми дружил. Поддерживал отношения. И привычки его не поменялись. Мы с ним всякий раз как встретимся — посидим, потрендим, потом он достает свой «талмуд» и давай названивать. Причем не ерунду какую-то обсуждает. Понятно, что там везде есть отношения. Я ему говорил: «Димка, на другом конце провода тоже человек! Зараза ты! Пожалеи!» Он отвечал: «Мишань, мы там давно уже все выяснили. Теперь мы просто близкие люди».

Фотография со съемочной площадки многосерийного художественного фильма «Сатисфакция». 2003 г.

Он был большим человек — его на многое хватало. Он ведь даже по улице не мог пройти, чтобы попрошайке денежку не дать. Я на него кричал: «Хватит убивать меня своим благородством!» Но это действительно так — если Дима видел, что способен хоть что-то изменить в лучшую сторону, он тотчас это делал. И ведь каждый из его друзей был уверен, что он для него один-единственный, самый главный! И, кажется, так и было.

Наше с Димой знакомство точно стало настоящим творческим счастьем. Ведь как только мы друг друга нашли, мы принялись мечтать. И у нас много всего получилось, как минимум, две хорошие картины. И вот в этой «Сатисфакции» он у меня висел. Как на балконе, на самом краю. Раз уж ему так нравится. А в «Крупном калибре» я вообще расстарался. Доставил ему все возможные удовольствия. Он у меня там и взрывался, и горел, и машины его сбивали. Очень-очень ему понравилось.